

Европейский Суд по правам человека¹ (Вторая Секция), заседая 14 февраля 2006 г. Палатой в составе:

г-на Ж.-П. Коста, *Председателя Палаты Европейского Суда*,

г-на А.Б. Бака,

г-на Р. Тюрмэна,

г-на К. Юнгвирта,

г-на М. Угрехелидзе,

г-жи Д. Йочиенэ,

г-на Д. Поповича, *судей*,

а также при участии г-жи С. Долле, *Секретаря Секции Европейского Суда*,

принимая во внимание вышеуказанную жалобу, поданную в Европейский Суд 2 февраля 2001 г.,

принимая во внимание замечания, представленные по делу государством-ответчиком, а также ответные замечания, представленные заявителями,

проведя совещание по делу, Европейский Суд выносит следующее решение:

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ВТОРАЯ СЕКЦИЯ

РЕШЕНИЕ

ПО ВОПРОСУ О ПРИЕМЛЕМОСТИ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ ПО СУЩЕСТВУ

ЖАЛОБЫ № 69857/01, ПОДАННОЙ НАТО КАТАМАДЗЕ [НАТО КАТАМАДЗЕ] ПРОТИВ ГРУЗИИ

ФАКТЫ

Заявительница по настоящему делу, г-жа НАТО Катамадзе, гражданка Грузии 1964 года рождения, проживает в г. Кобулет (Аджарская Автономная Республика, Грузия). Она является корреспондентом и главным редактором местной газеты «Кобулет», которая была учреждена и финансируется администрацией [gamguéoba] Кобулетского района (далее — районная администрация). В Европейском Суде интересы заявительницы представлял г-н К. Давиташвили.

Власти Грузии (далее — государство-ответчик) были представлены в Европейском Суде г-ном Л. Челидзе, г-жой Т. Бурджалиани и г-жой Е. Гурешидзе, а затем г-ном С. Папуашвили, Представителем Республики Грузии при Европейском Суде по правам человека.

А. Обстоятельства дела

Обстоятельства настоящего дела в том виде, как они представлены сторонами, могут быть изложены следующим образом.

В номере газеты «Кобулет» от 14 августа 1998 г. заявительница напечатала редакционную статью, озаглавленную «Письмо к читателю». В этой статье речь шла о г-не Т. Катамадзе — учредителе и редакторе другой местной газеты, «Аджария P.S.», а также о трех коррес-

пондентах этой газеты — г-не Д. Мегрелидзе, г-же Н. Махарадзе и г-не Ж. Каландадзе.

В своей статье заявительница написала следующее:

«<...> Когда Т. Катамадзе, в настоящее время учредитель и редактор газеты «Аджария P.S.», а в прошлом редактор газеты «Имеди», в конце 1997 года вышел из тюрьмы, <...> ему снова захотелось редактировать какую-нибудь газету. Мы ему помогли, подготовили необходимые документы, и по нашей рекомендации ему предоставили возможность уплатить регистрационный взнос в рассрочку (впрочем, он этот взнос так и не выплатил). Представьте себе, мы даже дали ему денег на выпуск двух первых номеров газеты. Кроме того, мы помогли ему получить кредиты (поскольку он не был «обременен семьей») и даже стояли у истоков названия его газеты. И это только то, что касается материальной стороны вопроса, не говоря уже о моральной поддержке, которую мы ему оказали.

Мы надеялись, что, несмотря на его прошлое, нам удастся его перевоспитать, но события стали развиваться по сценарию, подобающему неблагодарному человеку. Стоило ему сделать глоток свежего воздуха и расправить крылья, как он тайно попытался заключить сделку с корреспондентами нашей газеты и одного из них переманил на свою сторону. Так что наша газета прославилась уже в то время, когда г-н Катамадзе возглавлял газету «Имеди». Тем не менее в тот момент мы перестали редактировать у себя его газету, <...> пока его вместе с сообщником не арестовали в Москве за незаконный сбыт оружия. Это было в конце декабря 1994 г. Наш источник сообщает, что оружие вывезли из аэропорта г. Батуми с помощью должностного лица, которое в настоящее время всё ещё продолжает занимать свой пост. На наш взгляд, это должно было заинтересовать правоохранительные органы.

В Москве «коммерсантов» взяли. Нашему «герою» было назначено наказание в виде трех лет лишения свободы, и не просто за красивые глаза (имейте в виду, что Федерация журналистов Аджарии по нашему предложению дала ему положительную характеристику, и она послужила смягчающим обстоятельством). После того, как он «честно» отбыл наказание, он вернулся в Аджарию, где его никто не ждал, с остро отточенным пером.

Мы не стали бы ему напоминать, что до того, как он стал редактором «Имеди», его вывели из армии, а потом и из военного комиссариата из-за его сомнительной репутации;

От редакции. По делу заявительница, корреспондент и главный редактор местной газеты в Аджарии, жалуется на то, что она неправомерно была привлечена к судебной ответственности за опубликование статьи, якобы порочащей честь, достоинство и деловую репутацию некоторых лиц. Заявительница полагает, что судебные решения, вынесенные по ее делу, представляют собой вмешательство государства в осуществление ею своих прав, не совместимое с требованиями статьи 10 Конвенции, которая гарантирует свободу выражения мнения. Кроме того, она считает, что статья 18 Гражданского кодекса Грузии, на основании которой ее признали виновной в распространении сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию граждан, противоречит статье 10 Конвенции и предусматривает ограничение свободы выражения мнения методами, не являющимися необходимыми в демократическом обществе. Проанализировав обстоятельства дела, законодательство Грузии и вынесенные по делу заявительницы судебные решения, Европейский Суд счел, что привлечение заявительницы к ответственности было мерой, необходимой в демократическом обществе для защиты репутации и прав других лиц, и что грузинские суды в своих решениях правильно уравновесили право распространять идеи и право на защиту репутации и прав граждан. Жалоба заявительницы на нарушение журналистской свободы была единогласно объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (примечание редакции).

мы не стали бы ему напоминать о его еще более сомнительных поездках в Гори, Цхинвали и Тбилиси, о его фальшивом купленном дипломе о высшем образовании, о его судимостях (даже если он и торговал смертельно опасным оружием), если бы он не возомнил себя главным мудрецом и моралистом не только в Абхазии, но во всей Грузии и если бы он не читал другим мораль, сам будучи аморальным человеком. <...>

Ему нужен был двойник, и он его нашел в лице нашего бывшего корреспондента и своей бывшей сообщницы Н. Махарадзе. Эта женщина в свое время на коленях умоляла нас взять ее на работу в газету «Кобулет». Эта женщина у нас научилась читать и писать. <...> Эта женщина когда-то считала, что Аслан Абашидзе (*бывший глава Аджарской Автономной Республики*¹) — виновник всех несчастий, нищеты и несправедливости в нашем районе. Сегодня она его горячая сторонница. Кому же верить — Богу или дьяволу?

Тошнотворное бахвальство Д. Мегрелидзе распространилось по всему Кобулету. «Г-н Абашидзе ничего без нас не решает, и мы запросто можем заходить к нему в любое время», — говорит он. Тем хуже для нас, если допустить, что место таких людей не в Хелвачаури, а в газете. <...>

А потом еще один корреспондент этой газеты, известный под псевдонимом (*... далее неразборчиво*¹).

Вот волшебное обаяние «замечательной» газеты, которая числит себя в первых рядах борцов за свободу слова. Ни чего свободного и ценного никогда не создаст раб по своей природе, раб подлых чувств и раб наживы. <...>

Никому не нужен сторонник, прибегающий к шантажу, способный на всё, неблагодарный и одноклеточный сплетник. Лишь безнравственные люди ищут поддержки у безнравственного человека, тогда как власть Аслана Абашидзе держится именно на том, что он не связывается с вероломными и коварными людьми <...>.

Мы не сводим с ними счетов за их неблагодарность. Мы лишь выполняем наш долг перед читателем, открывая ему их истинное лицо Януса — два обращенных к нему лица. Пусть они в масках — эти маски ничего не скрывают.

Решение за вами, дорогой читатель, телевидение, которое пичкает нас рекламой, и все, кто в будущем решит заключить соглашение с этими людьми с запятнанной репутацией.

Выбор за вами. И если вы решите, что есть необходимость в том, чтобы такие люди читали нам мораль, значит, будем гордиться тем, что в Абхазии увидела свет еще одна независимая газета, <...> газета бессовестных людей».

После выхода этой статьи г-н Т. Катамадзе, г-н Д. Мегрелидзе (редактор газеты «Аджария P.S.»), г-жа Н. Махарадзе и г-н Ж. Каландадзе (корреспонденты и заведующие отделами этой газеты) обратились в суд с иском к заявительнице, жалуюсь на то, что она через средства массовой информации распространяет слухи и что выражения, использованные в ее статье, посягают на их достоинство и деловую репутацию.

22 июля 1999 г. суд первой инстанции г. Кобулету ввиду исключительной важности дела передал его на рассмотрение Верховного суда Аджарской Автономной Республики. 2 марта 2000 г. и 17 марта 2000 г. Верховный суд Аджарской Автономной Республики вызвал редакцию газеты «Кобулет», а также администрацию Кобулетского района, владельца этой газеты, для участия в судебном заседании в качестве ответчиков.

14 марта 2000 г. Верховный суд Аджарской Автономной Республики, руководствуясь статьей 18 Гражданского кодекса Грузии, счел, что некоторые фразы и вы-

ражения, небрежно использованные заявительницей в ее статье, посягают на репутацию и достоинство сотрудников редакции газеты «Аджария P.S.», а также затрагивают их личную жизнь.

Вначале Верховный суд Аджарской Автономной Республики установил, что фраза «[г-на Катамадзе] выставили из армии из-за его сомнительной репутации» не соответствует действительности, так как согласно информации, предоставленной компетентными органами власти Министерства обороны Грузии, этот человек оставил военную службу по собственному желанию. Поскольку заявительница не смогла представить доказательства обратного, суд пришел к выводу, что она нарушила свои обязательства по статье 24 Закона «О прессе и других средствах массовой информации».

Что касается фразы «если допустить, что место таким людям в газете, а не в Хелвачаури» в адрес г-на Мегрелидзе, суд установил, что этот человек не имеет никакого отношения к Хелвачаури и что единственное возможное толкование этой фразы отсылает к психиатрической больнице, которая там находится. Заявительнице не удалось показать, что она понимала под этим выражением что-то иное.

Среди других фраз и выражений, которые судьи сочли неприемлемыми, были следующие: «на коленях умоляла нас», «раб по своей природе, раб низких чувств и раб наживы», «пусть они в масках», «вероломные и коварные», «эти люди с запятнанной репутацией», «увидела свет <...> газета бессовестных людей». При рассмотрении дела судом первой инстанции заявительница отказалась комментировать обоснованность этих утверждений, а суд в своем решении указал, что согласно статье 18 Гражданского кодекса Грузии на ней лежит бремя доказывания.

Что касается допроса г-на Катамадзе в связи с незаконным сбытом оружия в 1994 году, суд установил, что это утверждение заявительницы не опирается на обстоятельства, соответствующие действительности. Кроме того, суд счел, что утверждения «ему предоставили возможность уплатить регистрационный взнос в рассрочку (впрочем, он этот взнос так и не выплатил)», «мы перестали редактировать у себя его газету», «эта женщина у нас научилась читать и писать» не ущемляют честь и достоинство упомянутых в данной статье лиц.

Г-н Катамадзе заявил, что после выхода статьи, о которой идет речь по настоящему делу, у него появились серьезные проблемы с невестой и друзьями. По словам г-на Мегрелидзе, он впал в депрессию, однако, опасаясь, что ее примут за психическое заболевание, на существование которого намекала заявительница, он не решился обратиться к врачу, чтобы пройти курс лечения. Г-жа Махарадзе утверждала, что ее пожилая мать очень болезненно пережила публикацию этой статьи и что она встречалась с заявительницей, требуя, чтобы та прекратила оскорблять ее дочь. Заявительница ответила ее матери, что она сделала всё от нее зависящее, чтобы выставить ее дочь «проституткой». При рассмотрении дела в суде первой инстанции адвокат заявительницы не смог ни выдвинуть на это каких-либо обоснованных возражений, ни привести каких-либо аргументов по этому поводу.

Суд пришел к выводу, что в действиях заявительницы имел место умысел, посчитав, что заявительница умышленно стремилась к тому, чтобы скомпрометировать противную сторону. Поскольку истцы не воспользовались своим правом потребовать опровержения порочащих их сведений через те же средства массовой информации, суд

¹ Примечание Секретаря Секции Европейского Суда.

ограничился тем, что обязал заявительницу — согласно статье 18 Гражданского кодекса Грузии — выплатить компенсацию морального вреда в размере 4 тысяч грузинских лари (на момент вынесения решения суда это составляло приблизительно 2 тысячи 100 евро) всем потерпевшим в совокупности, решив, что наравне с заявительницей солидарную ответственность должны нести два остальных ответчика по делу. Суд отказал истцам в требовании о возмещении материального ущерба (статья 993 Гражданского кодекса Грузии).

Заявительница обжаловала упомянутое выше решение в кассационном порядке, объясняя, что утверждения, являющиеся предметом спора, основывались на сведениях, полученных из анонимного источника, и что согласно статьям 19 и 24 Закона «О прессе и других средствах массовой информации» она вправе была их опубликовать. Заявительница так и не уточнила характер и содержание этих сведений.

2 августа 2000 г. Верховный суд Грузии оставил кассационную жалобу заявительницы без удовлетворения. Суд указал, что, даже если статьи закона, на которые ссылалась заявительница, и давали ей право опубликовать сведения, полученные из анонимного источника, они ни в коей мере не допускали умышленного распространения суждений, явно не соответствующих действительности и наносящих ущерб другим лицам. Суд пришел к выводу, что за моральный вред, причиненный публикацией статьи, заявительница должна выплатить компенсацию, которую присудил истцам суд первой инстанции.

В. Соответствующее национальное законодательство

1. Конституция Грузии

Часть 1 статьи 17

«Честь и достоинство человека неприкосновенны».

Части 1, 2 и 4 статьи 24

«Каждый человек вправе свободно получать и распространять информацию, высказывать и распространять свои мнения в устной, письменной или иной форме.

Средства массовой информации свободны. Цензура запрещается.

Осуществление прав, перечисленных в пунктах 1 и 2 данной статьи, может ограничиваться законом условиями, необходимыми в демократическом обществе для обеспечения государственной или общественной безопасности, территориальной целостности, предотвращения преступности, защиты прав и достоинства других лиц, предотвращения распространения информации, признанной конфиденциальной или для обеспечения независимости и беспристрастности правосудия».

2. Гражданский кодекс Грузии

Части 2, 3, 4, 5 и 6 статьи 18 в редакции, действовавшей на момент возникновения спора. Личные немущественные права

«2. Лицо вправе потребовать опровержения в судебном порядке сведений, порочащих его честь, достоинство и деловую репутацию, нарушающих тайну личной жизни или личную неприкосновенность, если распространитель этих сведений не докажет их достоверность. Такое же правило применяется при неполной публикации фактических данных, если этим ущемляются честь, достоинство или деловая репутация лица.

3. Если сведения, порочащие честь, достоинство, деловую репутацию и посягающие на тайну личной жизни лица, рас-

пространены средствами массовой информации, их опровержение должно быть произведено через эти же средства. Если подобные сведения содержатся в документе, выданном организацией, этот документ должен быть изменен и об этом сообщено заинтересованным лицам.

4. Лицо, в отношении которого были опубликованы в средствах массовой информации порочащие честь и достоинство сведения, вправе опубликовать в тех же средствах ответные сведения.

5. Право, предусмотренное в частях первой и второй настоящей статьи, лицо имеет и в том случае, когда его изображение (фотография, кино-, видеofilm и т. п.) публикуется без его согласия. В согласии лица нет необходимости, когда фотографирование (видеосъемка и т. п.) связано с его общественным признанием, занимаемой должностью, с требованиями правосудия или полиции, научными, учебными или культурными целями, или фотографирование (видеосъемка и т. п.) производилось в общественной обстановке либо лицо получило вознаграждение за позирование.

6. Защита предусмотренных настоящей статьей благ производится независимо от вины посягавшего. Если же нарушение вызвано виновным действием, лицо может потребовать возмещения вреда (убытков). В качестве возмещения вреда может быть потребована выгода, полученная посягавшим. В случае виновного посягательства правомочное лицо вправе потребовать возмещения и немущественного (морального) вреда. Моральный вред может быть возмещен независимо от возмещения имущественного вреда».

Часть 1 статьи 1005 — Деликтные обязательства.

Ответственность государства за вред, причиненный его служащим

«Если государственный служащий умышленно или по грубой неосторожности нарушает свои служебные обязанности в отношении других лиц, государство или орган, в котором работает этот служащий, обязаны возместить наступивший вред. При умысле или грубой неосторожности служащий вместе с государством солидарно несет ответственность».

3. Закон Грузии от 10 августа 1991 г. «О прессе и других средствах массовой информации» (утратил силу 24 июня 2004 г.)

Статья 4

(в редакции Закона от 25 ноября 1997 г.)

«Свобода массовой информации может ограничиваться лишь в случаях и в порядке, предусмотренных законом».

Часть 2 статьи 24

«Журналист обязан <...> проверять достоверность добытой им информации».

Статья 25

«Ответственность за распространение ложных сведений, умышленное оскорбление и клевету на граждан и организации возлагается на средства массовой информации государственных, частных и общественных организаций, их руководителей, редактора (главного редактора) и авторов материалов, нарушивших настоящий Закон».

С. Резолюция 1165 (1998) Парламентской ассамблеи Совета Европы

Указанная резолюция касается права на неприкосновенность личной жизни и предусматривает следующее:

«<...> необходимо найти способ уравновесить два фундаментальных права, которые оба гарантируются Европей-

ской конвенцией по правам человека: право на защиту частной жизни и право на свободу выражения мнения.

Ассамблея подтверждает значимость права каждого человека на неприкосновенность его личной жизни и права на свободу выражения мнения как основополагающих для демократического общества. Эти права не носят абсолютного характера и не находятся в подчинении одно у другого, оба они равноценны.

В то же время, Ассамблея указывает, что право на неприкосновенность личной жизни, предоставленное статьей 8 Европейской конвенции по правам человека, должно защищать человека не только от вмешательства органов государственной власти, но и от любых посягательств со стороны частных лиц и организаций, включая средства массовой информации.

Ассамблея призывает правительства государств — участников принять такие законы об обеспечении права на неприкосновенность личной жизни, если таковые еще не приняты, которые соответствовали бы следующим основным положениям, либо привести в соответствие с ними уже действующее законодательство:

(i) должно быть гарантировано право потерпевшего требовать, посредством гражданского иска, возмещения потенциального ущерба, нанесенного в результате посягательства на его личную жизнь;

(ii) если в публикациях содержатся посягательства на личную жизнь, соответствующие редакторы и журналисты должны нести ответственность в той же мере, как и в случае клеветы; <...>

ПУНКТЫ ЖАЛОБЫ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ СО ССЫЛКАМИ НА НОРМЫ КОНВЕНЦИИ

Заявительница полагает, что судебные решения, вынесенные по ее делу, представляют собой вмешательство государства в осуществление ею своих прав, не совместимое с требованиями статьи 10 Конвенции.

Кроме того, она считает, что статья 18 Гражданского кодекса Грузии в редакции, действовавшей на момент возникновения спора, не соответствует статье 10 Конвенции и предусматривает ограничение свободы выражения мнения методами, не являющимися необходимыми в демократическом обществе.

Со ссылкой на эту же статью Конвенции заявительница жалуется в Европейский Суд на то, что по решению грузинского суда она должна нести ответственность за клевету солидарно с учредителем газеты. Подобная судебная практика, по ее мнению, может запугать учредителей средств массовой информации, как реальных, так и потенциальных, и ограничить свободу выражения журналистами своего мнения.

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ ВОЗРАЖЕНИИ ГОСУДАРСТВА-ОТВЕТЧИКА

По мнению государства-ответчика, данная жалоба представляет собой злоупотребление правом на подачу индивидуальных жалоб и нарушает статью 17 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«Ничто в <...> Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в <...> Конвенции, или на их ограни-

чение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции».

Государство-ответчик считает, что целью статьи 17 Конвенции в той мере, в какой она относится к группам или к частным лицам, является лишение их возможности вывести из Конвенции право заниматься какой-либо деятельностью или совершать какие-либо действия, направленные на упразднение конвенционных прав и свобод других лиц (постановление Европейского Суда от 1 июля 1961 г. по делу «Лолесс против Ирландии (№ 3)» [Lawless c. Irlande (no 3)], серия «А», № 3, § 7).

В настоящем деле ярко выраженный агрессивный характер выражений, которые заявительница использовала в своей статье, посягает, по мнению государства-ответчика, на право потерпевших на уважение своего достоинства и личной жизни, не внося при этом никакого вклада в обсуждение вопросов, представляющих общий интерес. Единственная цель, которую преследовала заявительница, заключалась в том, чтобы оскорбить упомянутых ей лиц, унижить их в глазах общества, которому она советовала не иметь никаких дел с «этими людьми с запятнанной репутацией», подорвать репутацию газеты «Аджария P.S.», спровоцировать уменьшение ее тиража и, в конечном счете, добиться того, чтобы она прекратила свое существование. Наконец, заявительница использовала право на свободу выражения своего мнения для того, чтобы свести на нет права других лиц, а это вступает в противоречие с духом Конвенции. Поэтому государство-ответчик считает, что данную жалобу не следует рассматривать по существу.

Рассмотрев доводы государства-ответчика, Европейский Суд установил, что они соотносятся с выводом, касающимся пункта 2 статьи 10 Конвенции. Учитывая, что жалоба признана неприемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу в том, что касается вышеуказанных оснований, Суд не считает необходимым рассматривать эти доводы еще и с точки зрения статьи 17 Конвенции.

II. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

Заявительница считает, что она стала жертвой нарушения требований статьи 10 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. <...>»

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе <...> для защиты репутации или прав других лиц, <...>».

Стороны согласны в том, что судебные решения, являющиеся предметом спора, представляют собой вмешательство государства в осуществление заявительницей права на свободу выражения своего мнения, что это вмешательство было «предусмотрено законом» и преследовало правомерную цель, а именно «защиту репутации или прав других лиц». Поэтому Европейский Суд рассмотрит вопрос о том, было ли соблюдено в настоящем деле третье условие, требующее, чтобы вмешательство, о кото-

ром идет речь по настоящему делу, было «необходимо в демократическом обществе».

1. В том, что касается статьи 18 Гражданского кодекса Грузии в общем плане

a) Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

По вопросу о том, было ли вмешательство, о котором идет речь по настоящему делу, «необходимо в демократическом обществе», заявительница утверждает, что статья 18 Гражданского кодекса Грузии (см. выше, раздел «Соответствующее национальное законодательство»), на основании которой она была привлечена к ответственности, в редакции, действовавшей на момент возникновения спора, предусматривала ограничение права на свободу выражения мнения методами, не совместимыми со статьей 10 Конвенции.

Во-первых, эта статья не делала различия между теми, кто выставляет свою личную жизнь на всеобщее обозрение, и теми, кто хочет, чтобы она была скрыта от посторонних глаз. Заявительница считает, что упомянутые в ее статье журналисты сами выступали с публичными заявлениями, которые могли спровоцировать критику и, будучи известными людьми, должны были более терпимо отнестись к публичной критике в свой адрес.

Во-вторых, заявительница не согласна с тем, что по статье 18 Гражданского кодекса Грузии бремя доказывания возлагается на распространителя сведений, то есть на ответчика по делу.

В-третьих, обязанность журналиста произвести через эти же средства массовой информации опровержение сведений, посягающих на права других лиц, противоречит статье 10 Конвенции, учитывая, что журналисту порой приходится выражать не свое собственное мнение.

Государство-ответчик не согласно с доводами заявительницы. Прежде всего, оно уточняет, что использованные ей выражения были признаны не совместимыми с уважением к личной жизни других лиц и преследовали цель оскорбить их. Вопреки тому, что, по-видимому, хотела показать заявительница, ее утверждения нельзя считать основывающимися на фактах. Кроме того, государство-ответчик полагает, что национальные суды не обязывали заявительницу, согласно статье 18 Гражданского кодекса Грузии, доказывать обоснованность ее оценочных суждений.

b) Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

Европейский Суд отмечает, что статья 18 Гражданского кодекса Грузии в редакции, действовавшей на момент возникновения спора, предоставляет всем, будь то «простые люди» или «люди, выставляющие свою жизнь на всеобщее обозрение», равную защиту от распространения сведений, которые наносят им ущерб. Различие между этими двумя категориями граждан делается лишь применительно к праву на собственное изображение, при этом часть пятая этой статьи не требует получать согласие лица на опубликование его изображения, когда речь идет о человеке, постоянно находящемся на виду у публики в связи с его общественным признанием, занимаемой должностью и т.д. (см. выше раздел «Соответствующее национальное законодательство»). Кроме того, согласно статье 18 Гражданского кодекса Грузии, бремя доказывания лежит на ответчике, в данном случае на заявитель-

нице. Наконец, указанная статья предусматривает право потерпевшей стороны требовать опровержения сведений, порочащих ее честь, достоинство и деловую репутацию, через те же средства массовой информации.

Вначале Европейский Суд отмечает, что, поскольку противная сторона не воспользовалась этим своим правом, грузинские суды не обязывали заявительницу опровергать выражения, которые она использовала в своей статье. В делах, возбужденных по индивидуальной жалобе, Суд должен по мере возможности ограничиваться анализом обстоятельств конкретного рассматриваемого им дела, не исследуя абстрактно вопрос о том, соответствует ли Конвенции тот или иной закон (постановление Европейского Суда от 22 июня 1989 г. по делу «Эрикссон против Швеции» [*Eriksson c. Suède*], серия «А», № 156, § 54). Поэтому Суд ограничится анализом двух первых доводов заявительницы.

Что касается аргумента, касающегося бремени доказывания, Европейский Суд напоминает, что в одном из рассмотренных им дел он признал в принципе соответствующим статье 10 Конвенции обязательство ответчика по иску о клевете доказать на основе критериев, применимых к гражданскому делу, истинность клеветнических утверждений (постановление Европейского Суда по делу «МакВикар против Соединенного Королевства» [*McVicar c. Royaume-Uni*], жалоба № 46311/99, § 87, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2002-III). Действительно, должны быть серьезные основания для того, чтобы освободить какую-либо газету от обычно лежащего на ней обязательства проверять истинность клеветнических утверждений фактического характера (см. постановление Европейского Суда по делу «Стил и Моррис против Соединенного Королевства» [*Steel et Morris c. Royaume-Uni*], жалоба № 68416/01, § 93, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2005 — ...; а также постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии» [*Bladet Tromsø et Stensaas c. Norvège*], жалоба № 21980/93, § 66, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 1999-III).

В настоящем деле истцы объективно показали, что утверждения, являющиеся предметом спора, могли ущемить их права. Поэтому то, что законодательство Грузии требует от заявительницы представления доказательств, способных подтвердить истинность ее утверждений, по-видимому, само по себе не противоречит статье 10 Конвенции.

Это же относится и к отсутствию различия между «обычными людьми» и «людьми, выставляющими свою жизнь на всеобщее обозрение». Действительно, ни из статьи 18 Гражданского кодекса Грузии, ни из замечаний сторон по делу не следует, что отсутствие такого различия в тексте данной статьи могло бы помешать грузинским судам провести различие между этими двумя категориями или что из-за его отсутствия применение статьи 18 Гражданского кодекса Грузии могло бы автоматически привести к вынесению решений, противоречащих статье 10 Конвенции (ср., *mutatis mutandis*¹, постановление Европейского Суда от 29 марта 2005 г. по делу «ЗАО “Украинская Пресс-Группа” против Украины» [*Ukrainian Media Group c. Ukraine*], жалоба № 72713/01, § 62).

Европейский Суд не призван рассматривать абстрактно вопрос о том, соответствует ли Конвенции законодательство, о котором идет речь по настоящему делу, а выявить, нарушили ли Конвенцию обстоятельства, в которых

¹ Mutatis mutandis (лат.) — с соответствующими изменениями (примечание редакции).

оно было применено к заявительнице, или нет (постановление Европейского Суда от 21 февраля 1990 г. по делу «Хаканссон и Стюрессон против Швеции» [*Håkansson et Sturesson c. Suède*], серия «А», № 171-А, § 46). Поэтому в указанных обстоятельствах Суд должен удостовериться, что применение статьи 18 Гражданского кодекса Грузии не вышло за рамки того, что можно было бы разумно предвидеть с учетом конкретных обстоятельств настоящего дела (сравните с постановлением Европейского Суда по делу «Фельдек против Словакии» [*Feldek c. Slovaquie*], жалоба № 29032/95, § 57, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2001-VIII).

2. В том, что касается решений грузинских судов

а) Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

Заявительница жалуется в Европейский Суд на то, что грузинские суды при толковании слова «сведения» в статье 18 Гражданского кодекса Грузии распространили его не только на факты, но и на оценочные суждения. По ее мнению, выражения, за которые она была привлечена к ответственности, представляют собой оценочные суждения журналиста, относящиеся к обстоятельствам, которые соответствуют действительности.

Вопреки толкованию, которое грузинские суды дали выражению «распространитель сведений», оно не относится к районной администрации, учредителю газеты, главным редактором которой является заявительница.

Государство-ответчик утверждает, что вмешательство государства в осуществление заявительницей своих прав не было несоразмерно преследуемой цели, учитывая, что выражения, которые использовала заявительница, вышли далеко за рамки допустимой критики. Государство-ответчик подчеркивает, что спорная статья не поднимает никаких вопросов, представляющих политический или общий интерес, и не является журналистским диалогом заявительницы с ее коллегами из газеты «Аджария P.S.». Напротив, единственная цель этой статьи заключалась в публичной критике этих людей. Однако в качестве частных лиц журналисты, о которых шла речь в ее статье, не обязаны относиться к критике в свой адрес так же терпимо, как публичные деятели или политики (см. в числе прочих источников по данному вопросу постановление Европейского Суда от 8 июля 1986 г. по делу «Лингенс против Австрии» [*Lingens c. Autriche*], серия «А», № 103, § 42).

Кроме того, государство-ответчик обращает внимание Европейского Суда на то, что, поскольку заявительница занимает должность главного редактора газеты, учрежденной и финансируемой районной администрацией, последняя является ее работодателем. Следовательно, по небрежности и достаточно резко критикуя своих коллег из другой газеты, заявительница нарушила обязательство проявлять профессиональную сдержанность, лежащее на сотрудниках администрации. Что касается привлечения ее к ответственности солидарно с районной администрацией, государство-ответчик полагает, что это решение грузинских судов основывалось на пункте 1 статьи 1005 Гражданского кодекса Грузии.

Наконец, государство-ответчик считает, что штраф в размере, составляющем около 2 тысяч 100 евро, который заявительница должна была выплатить по решению суда, не является несоразмерным преследуемой цели.

Заявительница отвергает эти доводы и утверждает, что выражения, являющиеся предметом спора, не име-

ли никакого отношения к личностям и личной жизни сотрудников редакции газеты «Аджария P.S.», а касались их деятельности и представляли собой констатацию фактов. Она признает, что эти выражения носили чересчур критический характер и были слишком жесткими, но считает, что они ни в коей мере не являются «непристойностями», тем более что любое из них часто используется в Грузии профессиональными журналистами.

Заявительница возражает против довода государства-ответчика, согласно которому она была обязана проявлять профессиональную сдержанность только потому, что является редактором газеты, учрежденной районной администрацией. Если она работает редактором, это еще не значит, что она состоит на государственной службе.

Наконец, заявительница выражает озабоченность, утверждая, что с ноября 2003 г., когда в Грузии произошла «революция роз», пресса подвергается жестоким гонениям и есть опасность, что ее в конце концов заставят замолчать.

б) Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

Вначале Европейский Суд напоминает, что свобода выражения мнений является одной из важнейших опор демократического общества, а также одним из основных условий его развития и самореализации каждого человека. При условии, что она соответствует требованиям пункта 2 статьи 10 Конвенции, она относится не только к «информации» или «идеям», которые воспринимаются положительно или равнодушно либо рассматриваются в качестве безобидных, но и к «информации» или «идеям», которые высказаны в агрессивной форме, шокируют или тревожат (упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «ЗАО “Украинская Пресс-Группа” против Украины», § 40); кроме того, таковы требования плюрализма, благожелательного отношения к самым разным суждениям и взглядам и толерантности, без которых нет «демократического общества» (см. в числе прочих источников по данному вопросу постановление Европейского Суда от 7 декабря 1976 г. по делу «Хендисайд против Соединенного Королевства» [*Handyside c. Royaume-Uni*], серия «А», № 24, с. 23, § 49; а также упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Лингенс против Австрии», с. 26, § 41). К тому же Суд отдает себе отчет в том, что журналистская свобода включает возможность для журналистов прибегнуть к некоторой степени преувеличения или даже к провоцированию гневной реакции (постановление Европейского Суда от 26 апреля 1995 г. по делу «Прагер и Обершлик против Австрии» [*Prager et Oberschlick c. Autriche*], серия «А», № 313, § 38).

Прилагательное «необходимый» в том значении, в каком оно употребляется в пункте 2 статьи 10 Конвенции, подразумевает наличие «настоятельной общественной необходимости». Высокие Договаривающиеся Стороны обладают некоторой свободой усмотрения при определении того, существует ли такая необходимость, но эта свобода подлежит общеевропейскому контролю, который распространяется как на законодательство, так и на правоприменительные акты, даже на те, которые изданы независимым судом. Таким образом, Европейский Суд вправе вынести окончательное постановление по вопросу о том, было ли применено властями «ограничение» прав совместимым со свободой выражения мнений, как она защищается положением статьи 10 Конвенции (упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Лингенс против Австрии», с. 25, § 39).

При осуществлении своих контрольных полномочий Европейский Суд должен рассматривать обжалуемое вмешательство государства в осуществление прав человека в контексте дела в целом, включая содержание высказываний, которые вменяются в вину заявительнице, и обстоятельства, при которых они имели место (постановление Европейского Суда по делу «Коммандитное товарищество с ограниченной ответственностью “Ньюс Верлагс” против Австрии» [*News Verlags GmbH & CoKG c. Autriche*], жалоба № 31457/96, § 52, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2000-I). В частности, Суд должен определить, соразмерно ли обжалуемое по делу вмешательство «преследуемым правомерным целям» и являются ли соображения, на которые ссылаются национальные власти, «существенными и достаточными» (постановление Европейского Суда по делу «Шови и другие заявители против Франции» [*Chauvy et autres c. France*], жалоба № 64915/01, § 70, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2004-VI). При этом Суд должен удостовериться в том, что государство-ответчик использовало стандарты, которые соответствуют принципам, воплощенным в статье 10 Конвенции, и, кроме того, руководствовалось корректной оценкой обстоятельств дела (см. постановление Большой палаты Европейского Суда по делу «Яновский против Польши» [*Janowski c. Pologne*], жалоба № 25716/94, § 30, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 1999-I).

Кроме того, Европейский Суд должен проверить, удалось ли национальным властям соблюсти справедливое равновесие между защитой свободы выражения мнения, гарантированной статьей 10 Конвенции, и защитой права потерпевших на репутацию, которая, будучи одной из составляющих личной жизни, охраняется статьей 8 Конвенции (постановление Большой Палаты Европейского Суда от 17 декабря 2004 г. по делу «Кумпэнэ и Мазэре против Румынии» [*Cumpănă et Mazăre c. Roumanie*], жалоба № 33348/96, § 91). Статья 8 Конвенции может требовать принятия позитивных мер, способных гарантировать эффективное уважение личной жизни, в том числе и в отношениях частных лиц между собой (постановление Европейского Суда по делу «Фон Ганноверская против Германии» [*Von Hannover c. Allemagne*], жалоба № 59320/00, § 57, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2004-VI).

В настоящем деле заявительницу привлекли к ответственности, обязав ее компенсировать моральный вред, причиненный следующими высказываниями: «[г-на Катамадзе] выставили из армии из-за его сомнительной репутации»; «если допустить, что место таких людей не в Хелвачаури, а в газете» в адрес г-на Мегрелидзе; «[Н. Махарадзе] на коленях умоляла нас»; «раб по своей природе, раб низких чувств и раб наживы»; «занимался шантажом, способен на всё, бессовестный, одноклеточный сплетник», «пусть на них маски», «вероломные и коварные», «эти люди с подмоченной репутацией», «увидела свет <...> газета бессовестных людей».

Европейский Суд считает, что все эти высказывания, за исключением первой фразы, отражают личное мнение заявительницы о поведении указанных лиц и ее оценочные суждения.

В связи с этим уместно вспомнить уже устоявшуюся с тех пор прецедентную практику Европейского Суда, согласно которой для того, чтобы определить существование «настоятельной общественной необходимости», способной оправдать вмешательство государства в осуществление свободы выражения мнения, надо тщатель-

но разграничивать факты и оценочные суждения (см. в числе других источников по данному вопросу решение Европейского Суда от 3 апреля 2003 г. по делу «Харланова против Латвии» [*Harlanova c. Lettonie*], жалоба № 57313/00). Конечно, когда речь идет об утверждениях, касающихся поведения третьих лиц, иногда может оказаться сложным отличить обвинения, основанные на фактах, от оценочных суждений. Однако даже в оценочных суждениях можно пойти слишком далеко, если совершенно не опираться на факты (постановление Европейского Суда от 24 февраля 1997 г. по делу «Де Хаас и Гейселс против Бельгии» [*De Haes et Gijssels c. Belgique*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека *Recueil* 1997-I, с. 236, § 47; а также постановление Европейского Суда по делу «Иерусалим против Австрии» [*Jerusalem c. Autriche*], жалоба № 26958/95, § 43, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2001-II).

При рассмотрении сведений и оценочных суждений, содержащихся в статье заявительницы, Верховный суд Аджарской Автономной Республики счел, что некоторые из них не посягают на права упоминающихся в этой статье лиц, но остальные суждения в силу того, что они совершенно не основаны на фактах, а также из-за своей оскорбительной формы и содержания нарушают право противной стороны на уважение репутации, достоинства и личной жизни. Заявительницу привлекли к ответственности именно за эти совершенно необоснованные суждения и за выражения, которые она использовала, а не за то, что она критически отзывалась о своих коллегах. Кроме того, заявительнице не удалось показать, что выражение, которое она употребила, имея в виду г-на Мегрелидзе, не является клеветническим измышлением о его психическом здоровье. Заявительница отказалась комментировать обоснованность остальных использованных в статье формулировок («на коленях умоляла нас»; «раб по своей природе, раб низких чувств и раб наживы»; «занимался шантажом, способен на всё, бессовестный сплетник, одноклеточный сторонник», «пусть на них маски», «вероломные и коварные», «эти люди с подмоченной репутацией», «увидела свет <...> газета бессовестных людей»).

Что касается фразы «[г-на Катамадзе] выставили из армии из-за его сомнительной репутации», Верховный суд Аджарской Автономной Республики на основании документов, предоставленных компетентными органами Министерства обороны Грузии, установил, что г-н Катамадзе оставил военную службу по собственному желанию, а не из-за своей «сомнительной репутации». Заявительнице не удалось доказать обратного. Таким образом, суд первой инстанции счел, что относительно этих сведений заявительница представила свое видение событий, которое явно не соответствует действительности.

Что касается вышеупомянутых оценочных суждений, то, по мнению судей, заявительница превысила свое право на критику, прибегнув к выражениям, посягающим на репутацию и достоинство критикуемых ею лиц.

При рассмотрении дела Верховным судом Грузии заявительница ссылалась на «сведения», полученные из «анонимного источника», которые лежали в основе ее заявлений и оценочных суждений, являющихся предметом спора. Однако в Верховном суде Грузии, как и в Европейском Суде, она не уточнила ни характера, ни содержания этих сведений. Вновь подтверждая, что защита журналистских источников информации является одним из основных принципов свободы слова (упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кумпэнэ и Мазэре против Румынии»,

§106; а также постановление Европейского Суда по делу «Рёмен и Шмит против Люксембурга» [*Roemen et Schmit c. Luxembourg*], жалоба № 51772/99, § 57, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2003-IV), Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле обязанность заявительницы предоставить твердое фактическое обоснование спорных утверждений ни в коей мере не предполагает, что она обязана раскрывать свои источники. Кроме того, она не стала еще раз приводить этот довод в Суде для подкрепления своей жалобы.

Верховный суд Грузии оставил без изменения выводы суда первой инстанции относительно заявлений, являющихся предметом спора.

Европейский Суд, со своей стороны, напоминает, что статья 10 Конвенции не гарантирует неограниченной свободы выражения мнения даже тогда, когда средства массовой информации освещают серьезные вопросы, представляющие общий интерес (постановление Европейского Суда от 27 мая 2004 г. по делу «Ризос и Даскас против Греции» [*Rizos et Daskas c. Grèce*], жалоба № 65545/01, § 43).

В настоящем деле Европейский Суд придает решающее значение тому, что статья заявительницы не вписывалась ни в споры, вызывающие законный интерес общества (сравните, в качестве примера противоположной ситуации, с решением Европейского Суда по делу «Верденс Ганг и Аазе против Норвегии» [*Verdens Gang et Aase c. Norvège*], жалоба № 45710/99, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2001-X; решением Европейского Суда от 21 сентября 2004 г. по делу «Абеберри против Франции» [*Abeberry c. France*], жалоба № 58729/00; а также с решением Европейского Суда от 9 ноября 2004 г. по делу «Стангу против Румынии» [*Stangu c. Roumanie*], жалоба № 57551/00), ни в полемику заявительницы с ее коллегами из другой газеты (сравните с постановлением Европейского Суда от 29 ноября 2005 г. по делу «Урбино Родригес против Португалии» [*Urbino Rodrigues c. Portugal*], жалоба № 75088/01, § 29). Ни в грузинских судах, ни в Европейском Суде заявительница не смогла показать, что ее утверждения, являющиеся предметом спора, представляют какую-то информационную ценность для общества.

В настоящем деле нельзя сказать, что заявительницу застали врасплох во время спонтанно возникшего спора или живого обмена мнениями, и она из-за этого могла бы необдуманно прибегнуть к оскорбительным выражениям. Напротив, речь шла о работе по редактированию текста и, следовательно, об обдуманном и добровольном использовании этих формулировок (сравните с постановлением Европейского Суда от 21 марта 2000 г. по делу «Вабл против Австрии» [*Wabl c. Autriche*], жалоба № 24773/94, § 42; в качестве примера противоположной ситуации см. постановление Европейского Суда от 29 февраля 2000 г. по делу «Фуэнтес Бобо против Испании» [*Fuentes Bobo c. L'Espagne*], § 48; а также упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Яновский против Польши», § 34).

Содержание статьи, которая является предметом спора, если его рассматривать в контексте обстоятельств дела, наводит на мысль о споре частного происхождения между заявительницей и упомянутыми в ее статье журналистами, поскольку заявительница использовала газету, главным редактором которой она является, в качестве трибуны для публичной критики своих коллег, поскольку они всё больше и больше ее раздражали. Даже если эти журналисты, с точки зрения заявительницы, и являются

публичными деятелями (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Урбино Родригес против Португалии», § 30; а также решение Европейского Суда от 20 марта 2003 г. по делу «Крутил против Германии» [*Krutil c. Allemagne*], жалоба № 71750/01) и границы допустимой критики по отношению к ним шире, чем по отношению к обычным людям, они не обязаны терпимо относиться к высказываниям, выходящим за эти рамки и посягающим на их права, вопреки тому, что, по-видимому, утверждает заявительница.

Европейский Суд не считает необходимым рассматривать вопрос о том, можно ли считать районную администрацию работодателем заявительницы и, следовательно, обязана ли заявительница проявлять особую профессиональную сдержанность. Суд полагает, что спорные выражения и намеки, которые содержатся в статье заявительницы, оскорбляют упомянутых в ней лиц. Суд не думает, что здесь можно усмотреть «определенную степень преувеличения» или «провокацию», к которым журналистам разрешено прибегать в рамках осуществления своих профессиональных свобод (решение по делу «Иванчук против Румынии» [*Ivanciuc c. Roumanie*], жалоба № 18624/03, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2005 — ...). Кроме того, при рассмотрении дела в грузинских судах и в Европейском Суде заявительница не привела никаких доказательств того, что ее суждения основывались на каких-либо фактах или что, высказывая их, она действовала добросовестно (сравните, в качестве примера противоположной ситуации, с упомянутым выше постановлением Европейского Суда по делу «Лингенс против Австрии», § 46). Действительно, ей не удалось показать, что эти суждения не являлись ее лично окрашенной необоснованной критикой и не наносили понапрасну ущерб правам других лиц.

В связи с этим Европейский Суд напоминает, что осуществление свободы выражения мнения предполагает некоторые обязанности и что гарантии, которые статья 10 Конвенция предоставляет журналистам, подчинены условию, согласно которому журналисты должны действовать добросовестно, предоставляя точную и заслуживающую доверия информацию и соблюдая правила профессиональной этики (см. постановление Европейского Суда по делу «Радиовещательная компания “Радио Франс” и другие заявители против Франции» [*Radio France et autres c. France*], жалоба № 53984/00, § 37, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2004-II; постановление Европейского Суда по делу «МакВикар против Соединенного Королевства» [*McVicar c. Royaume-Uni*], жалоба № 46311/99, § 83—86, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2002-III; а также упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кумпэнэ и Мазэре против Румынии», § 102).

Учитывая все вышесказанное, Европейский Суд считает, что привлечение заявительницы к ответственности является мерой, необходимой в демократическом обществе для защиты репутации и прав других лиц. Грузинские суды констатировали, что в основе настоящего дела лежит коллизия права распространять идеи и права на защиту репутации и прав других лиц. Европейский Суд не может прийти к выводу, что они неправильно уравнивали различные интересы, о которых идет речь в деле. Соображения, на которые ссылались грузинские суды в обоснование принятых ими решений, являются «существенными и достаточными» для целей пункта 2 статьи 10 Конвенции.

Характер и степень тяжести назначенного заявителю наказания также необходимо принимать во внимание при определении соразмерности вмешательства. Европейский Суд отмечает, что заявителю привлечены к ответственности солидарно с редакцией и с владельцем газеты, обязав их компенсировать моральный вред, причиненный всем четверем потерпевшим в совокупности, в размере около 2 тысяч 100 евро. Если принять во внимание оскорбление, публично нанесенное этим лицам и не оправданное никакими серьезными соображениями, то такая санкция не производит впечатления чрезмерно суровой (сравните с постановлением Европейского Суда по делу «Таммер против Эстонии» [*Tammer c. Estonie*], жалоба № 41205/98, § 69, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2001-I; с упомянутым выше постановлением Европейского Суда по делу «Вабл против Австрии», § 44; а также с упомянутым выше решением Европейского Суда по делу «Абеберри против Франции»). В самом деле, ничто не заставляет предположить, что санкция, о которой идет речь по настоящему делу, по своему характеру или степени тяжести могла бы помешать заявителю продолжать заниматься журналистикой или свободно выражать свое мнение по общественно значимым вопросам (ср., в качестве примера противоположной ситуации, упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кумпэнэ и Мазэре против Румынии», § 112—119; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джейлан против Турции» [*Ceylan c. Turquie*], жалоба № 23556/94, § 37, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 1999-IV; а также постановление Евро-

пейского Суда от 27 мая 2003 г. по делу «Скалка против Польши» [*Skalka c. Pologne*], жалоба № 43425/98, § 41—42). Следовательно, назначенное заявителю наказание соразмерно причиненному ущербу, за который она должна была по решению суда выплатить компенсацию.

В этих обстоятельствах Европейский Суд не считает убедительным и довод заявителя о том, что привлечение ее к ответственности может удержать журналистов от критических выступлений в будущем. Кроме того, Суд не считает необходимым высказываться по поводу обоснованности привлечения к солидарной ответственности районной администрации, владельца газеты, тем более что она никогда не сообщала о своем намерении обратиться в Суд с аналогичной жалобой.

Таким образом, Европейский Суд приходит к выводу, что в настоящем деле было соблюдено справедливое равновесие между различными конкурирующими между собой интересами и поэтому обжалуемая по делу мера оправданна, так как она была необходима в демократическом обществе для защиты прав других лиц. Следовательно, жалоба заявителя является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

По этим основаниям Европейский Суд единогласно

объявил данную жалобу неприемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу.

С. Долле,
Секретарь Секции
Европейского Суда

Ж.-П. Коста,
Председатель Палаты
Европейского Суда

Перевод с французского языка.

Под редакцией А.И. Ковлера,

судьи Европейского Суда по правам человека,

доктора юридических наук, профессора.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»